

Роман Самуилин

"Плетение". Часть первая - "Скакуны"

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Роман Самуйлин

**"Плетение". Часть
первая - "Скакуны"**

«Автор»

2026

Самуйлин Р. Д.

"Плетение". Часть первая - "Скакуны" / Р. Д. Самуйлин —
«Автор», 2026

"Часто все выглядит совсем не так, если смотреть со стороны. Кем может быть твой собеседник? Самоотверженным человеком, другом и любимым. Убийцей, контрабандистом и вором. Кто может найти любовь там – где нет места сладким речам, или любить с уважением и отсутствием возможности изменить прошлое. Кто грустил и улыбался, плакал и смеялся, сидя на тысяче мест подобных твоему? Все это мы... каждый день пишем свою историю на которой строится этот мир, узнают ли о ней другие?" Действие книги погрузит вас в историю о трех беспризорниках в живом и недоброжелательном средневековом мире. Главы написаны от лица каждого из участников событий и предложат иную точку зрения на все происходящее.

© Самуйлин Р. Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Ферзь	5
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Роман Самуйлин

"Плетение". Часть первая - "Скакуны"

Ферзь

«Знаете притчу про двух волков? Они сидят на ваших плечах. Вечно дерутся два волка: один добрый, другой злой. Один белый, пушистый и теплый, другой — гневный, сердитый, скупой. И побеждает тот, кого мы кормим больше».

Звать меня Ефезий или Феца — кому как удобно, но чаще выбирают второе. Отец мой был рыбаком, мать присматривала за хозяйством и небольшой пасекой. Отец с матерью не всегда хорошо ладили. Когда очередной «громкий» разговор затягивался, я уходил из дома и закидывал «удочку». Не ту, о которой вы подумали. Удочкой я называл небольшой старый ржавый якорь, привязанный к канату. Раскручивал его и кидал так, чтобы он обвил дерево и обязательно плотно вонзился в ствол. Отцу не нравилось это мое увлечение, тумачив мне перепало часто, особенно за то, что примерно раз в месяц одно дерево вокруг нашего двора прогнивало и падало. Он пытался привить мне интерес к рыбной ловле, но интерес во мне так и не воспылал, хотя я неплохо научился закидывать сети и затаскивать тяжелый улов на борт.

Много времени я проводил с соседскими ребятами. Мы дрались, таскали девчонок за косы, балбесничали и хулиганили — все как полагается. Однажды местные ребята позвали меня, сказав, что нашли клад. Естественно, пошел посмотреть. Они показали мне небольшой, но тяжелый сундук со здоровенным замком. Якобы у них за что-то зацепился крючок, они полезли доставать — ясное дело, крючок-то «казенный», — ну и наткнулись на этот сундук. Мы пытались сломать замок ударами камней, пытались вскрыть, но все было без толку. Тогда я сбегал за отцовской кувалдой и ломом, и дело пошло на лад. После очередного удара по лому замок треснул и разлетелся в стороны: сундук открыт, сокровище наше!

Открыв его, мы нашли кипу промокших пергаментов и пару тряпок. Начался активный дележ добычи, но от пары вещей я не мог отвести глаз. То было не сокровище внутри сундука, а разлетевшийся на множество деталей замок. Внутри они были такими красивыми и блестящими, и мне казалось, что я смогу собрать их обратно, вернуть механизм к работе. Сказал, что моя доля — это сломанный замок, в ответ на что последовали усмешки ребят, дербанящих мокрую цветную тряпку.

Собрав все детали, спешно отправился домой. В углу комнаты отгородился простыней и начал собирать замок. Долго у меня ничего не получалось, но в итоге понял его устройство — осознание пришло как-то само собой. «Так... это сюда подходит, если толкнуть здесь, то замыкается там, если повернуть сюда, то двинется тут — все просто, как печеная картошка».

Уже с наступлением темноты я случайно отвлекся на тихо стоявшего за моей спиной отца. Он похлопал меня по плечу, спросил, чем я занимаюсь и зачем. Ответил, что мне интересно находить деталям свое место. Тогда он спросил, хочу ли я создавать замки или открывать их; я ответил: «Создавать». Он принес мне свечу, пару чищенных морковок и стакан воды, пожелал удачи и ушел спать. Я же трудился еще полночи, но мне таки удалось собрать замок, хотя в нем все же не хватало пары деталей.

Проснулся я с рассветом. Отец обычно уходил в это время на рыбалку и решил перед этим меня проведать. Его лицо выдавало радость, когда он меня разбудил. Он спросил, доволен ли я своей работой. Ответил, что доволен и что для полного восстановления замка мне не хватает пары деталей. Подробно рассказал отцу, как работает весь механизм и почему мне не

хватает именно этих деталей. Тогда отец накормил меня кашей и велел идти спать, что я и сделал.

Прошло пару дней, и отец позвал меня с собой на рынок за покупками, сказав взять замок — мол, на удачу. Мы бродили меж прилавков, снимали пробы и торговались; в тот день там были даже танцующий медведь и попугай-матершинник, который, как сейчас помню, очень веселил отца. Мы подошли к очередному прилавку — то был прилавок плотника, у которого отец закупал гвозди. Как его точно звали, не помню, но все называли его дед Хасан, и я его так называл, добавляя в начале «уважаемый».

Отец заболтался с ним, и дед Хасан попросил меня показать собранный мной замок. Показал. Он спросил, чего не хватает и смогу ли я привести его в рабочее состояние, если он даст мне детали. Я поинтересовался, сколько будут стоить детали и сможем ли мы поторговаться; отец и дед Хасан посмеялись. Отец оплатил детали, а дед Хасан даже дал мне инструмент, чтобы я мог закончить работу на месте. И вот, спустя пару часов, замок заработал: дед Хасан подобрал для него отмычку, и, правда, он закрывался и открывался. Конечно, разомкнуть его можно было и руками, но механизм работал.

Через три дня был мой десятый день рождения. Отец подарил мне базовые инструменты плотника, а дед Хасан взял меня в помощники. Так я пристрастился к плотницкому делу.

Приходилось выполнять разную работу: грузчика, уборщика, сборщика. Но самым интересным были заказы из кузни. Там я мог увидеть, как изготавливают замки и ключи. Иногда я и кузнецу помогал — это так, к слову. Просто за увагу, за то, что он позволял мне наблюдать за его ремеслом, он даже давал мне дельные советы время от времени.

Результата долго ждать не пришлось. У нашего народа есть традиция: при заключении брачного союза молодожены вешают замки на мостиках, столбах и перилах — в знак твердого закрепления союза, так сказать. Среди цыганских детей быстро прошел слух, что появился маленький юркий мастер по замкам. Оказалось, многие женщины мечтали развалить чей-то брак, но были и мужчины — из числа тех, кого клятва отягощала. Некоторые из них обращались к гадалкам, которые обещали, что символ их клятвы сотрут сами духи. Так и происходило, только вот я-то не был бесплотным духом. Ни в какой блуд, конечно, не лез: ну, пару раз вскрыл замки ночью в лесу по просьбе, но сам сундук не открывал и ничего не воровал, так что с меня взятки гладки.

В возрасте тринадцати лет меня поймали на краже фруктов у заморского торговца. Ничего серьезного — просто детские шалости; подумаешь, апельсинов ему жалко стало! Но все было не так просто: нас поймали с поличным, точнее — только меня. Как это вышло, не спрашивайте: бывает такое — споткнулся, упал, а тут как тут стражи порядка. Меня кинули в темницу, вероятно, чтобы припугнуть, но страшил меня только неизбежный осуждающий взгляд отца; даже побои так не пугали.

Страхам моим не суждено было сбыться. Сидя один в узкой темнице, я долгое время слышал крики; они не прекращались, были слышны и звуки битвы. Через какое-то время я понял, что не могу больше это слушать. Закрыв глаза и уши и начал петь песни — те, что мы с соседской ребятней часто распевали у костра. Это продолжалось долго: иногда я открывал глаза и убирал руки от ушей, но продолжающиеся крики заставляли меня петь снова.

В очередной раз открыв глаза, увидел людей в плотной пластинчатой броне и шлемах с масками, изображающими безразличные лица. Говорили они на непонятном мне языке, размахивая указательными пальцами то на меня, то вверх. После недолгих переговоров они схватили меня и потащили по узким проходам подземелий, мимо холодных стен и лестниц, наружу.

Выйдя на улицу, я не узнал места, где рос: его больше не было. Хаты были сожжены дотла, всюду трупы, кровь и разруха. Меня тащили через весь город к пристани. Я заметил, что среди убитых были только взрослые — даже старики и беременные, — но не было ни одного

ребенка. На пристани я понял почему: всех детей до четырнадцати лет уже распределили по клеткам на кораблях.

Это были иноземцы, темные иноземцы, кожа их — цвета земли. Меня закинули в клетку к четверым таким же бедолагам, как я. Мог бы попробовать описать вам переживания тринадцатилетнего парня, попавшего в рабство, но, думаю, это ни к чему: такие истории не в новинку в наше время.

Пока что лучше доброй заточенной стали и пластинчатого доспеха ничего не придумали, а у кого этого добра в избытке, тот и правит. Сотню лет до моего рождения мир не менялся, если верить сказкам, вряд ли поменяется и еще через сотню. И вот истории о разорениях добрались и до нашего края.

Там я и познакомился с теми, кого называю семьей и по сей день.

Их звали Круг и Бангович, но последнего в основном называли просто Бага. Мы были из одного края, далеко на северо-востоке. Нас объединяли наречие, культура и горе. За время, проведенное в рабстве, мы убедили себя, что единственное, что у нас есть, — это мы сами, мы вместе. Эти двое были одного возраста, но на год младше меня. Круг был молчалив, но стоило ему заговорить, как из его уст лились отличные и своевременные шутки, которые скрашивали нашу нелегкую долю. Круг был на голову ниже меня, но шире в плечах и бедрах; у него было «кирпичное» лицо и брови, нависающие над глазами, как низкий козырек. Рыжеволосый и низкоголосый, он всегда говорил: «Хорошо смеется тот, кто умеет хорошо смеяться».

Бага был достаточно плотным парнем, но лицо его телу не подходило, если можно так выразиться. В его облике проступали старческие черты: глаза и щеки слегка впали, а мешки под глазами были такими, будто он спрятал туда что-то. Глаза у него были серые, и, когда он с тобой разговаривал, возникало ощущение, будто он смотрит сквозь тебя. Бага был болтлив и иногда говорил вещи не к месту, но произносил их словно проповедник — уверенно и воодушевленно.

Помню, он пытался помочь одному из гребцов, когда разносил воду. Гребца стошнило несколько раз, после чего он упал. Бага подбежал к нему, хотел помочь, но нарвался на сапог стражника. Тот пил со вчерашнего вечера — уже сутки, получается, — ну и по пьяни решил развлечься. От души отпинал Багу — ударов десять, может, пока не запыхался, — потом осыпал его оскорблениями и велел принести воды.

Бага принес воды, а потом подошел напоить нас. Я думал, он ищет поддержки: подбодрок в крови, несколько пальцев вывихнуто, левое плечо повисло, похрамывает. А он наклонился дать нам воды, подмигнул и сказал:

— Повезло ему, кончалось мое терпение. Держу пари... у его бабки удар куда крепче. — После чего улыбнулся, словно это произошло с кем-то другим. Нас это развеселило, но громко мы не смеялись — боялись, что могут услышать.

Так прошло полтора года; к счастью, нас никуда не продали и не разделили. Вокруг многие уходили: кто за борт, кто сразу на тот свет — от усталости, обреченности или того и другого сразу. Девочек продали заморским торговцам в первые месяцы нашего «путешествия»: незачем портить товар долгим голоданием. А мы жили и трудились, поддерживали друг друга — это нас и спасло. Удивительно, но у рабства есть и плюсы, если иметь в виду положение узника. Время, проведенное там, наделило меня и моих братьев великой силой, выдержкой, выносливостью, крепостью духа и тела.

На стоянке заняться было нечем: после короткой прогулки нас усаживали обратно на скамьи. Времени было много, и я начал изучать замки, которыми нас сковывали при каждом удобном случае. Заглядывался на ключи и скважины, цепи и крепления — мне казалось, я могу их открыть. Мы находили куски дерева, из которых я пытался сделать отмычку. Были моменты, когда нас почти раскрывали надсмотрщики, но я все ломал и кидал за борт. Получал тумаков, но никто из них точно не мог обвинить меня ни в чем. Я же денег стою: если со мной что случится, как они объяснят это своему господину? Молодой, здоровый раб всегда в цене.

Но то, что иногда можно скрыть от тех, кто за тобой смотрит, невозможно скрыть от пытливых, внимательных глаз соседа по веслу.

Однажды один из товарищей по несчастью шепнул мне на ухо, что может достать легкогнувшийся металл. Я бы усомнился в его словах, ведь в каждом коллективе должны быть свои агенты. Но зачастую на корабле их выдает излишняя упитанность: когда долго голодаешь, учишься видеть каждый выросший кусочек мяса на торсе соседа или замечаешь особо запуганных и падших. Спустя полгода рабства эти правила становятся жизнью.

Я доверился ему, скрыв разговор от своих собратьев, и, к счастью, не прогадал: через неделю он и правда принес то, что обещал, но этого оказалось мало. Того, что он принес, не хватило бы даже на одну отмычку, которая к тому же могла сломаться. А таких нужно было четыре: по две на каждую из двух секций гребцов, в каждой из которых по пять скамеек. На каждой скамье сидят по четыре, иногда по пять человек. Заключенные связаны по ногам и пристегнуты к креплениям на борту корабля. Одна отмычка нужна для крепления, другая — для оков узников. План того, кто доставлял мне металл, заключался в освобождении узников и захвате корабля, но у меня был свой.

Мне удалось сделать из остатков еще одну отмычку и спрятать ее. Из еды ничего не отложишь, но на борту была общая бочка с червивым пшеном; к счастью, в очередь к ней никто не становился — выживать на поденном пайке лучше, чем отравиться и умереть. Скамью, на которой мы сидели этот месяц, хорошо раскатали, так что ее оставалось выбить парой сильных пинков. Мы с братьями договорились, что готовы рискнуть: иначе рано или поздно мы все равно умрем здесь — если не от переутомления, то от болезни.

Я как мог оттягивал момент бунта, ждал подходящего времени, отнекивался от заговорщиков. Я хотел выждать момент, чтобы быть точно уверенным, что мы доберемся до берега. В итоге мне пришлось отдать им те отмычки, о которых они знали, — то есть все, кроме одной. Роли были распределены: если получится, освободимся согласно плану; затем я запихну в снятую рубашку все, что попадется под руку. Бага и Круг тем временем вышибут скамью и кинут ее за борт, мы все вместе прыгнем и валим подальше от корабля, а с остальным разберемся потом.

Правильного времени я не дождался. Ночью нас разбудил один из уже освободившихся бунтовщиков и отсоединил от общего крепления. К тому времени на палубе начался шум, проснулась стража, завязался отчаянный бой. Я, следуя плану, выхватил отмычку и побежал. Быстро связал рубашку в мешок, засунул руку в бочку, но не дотягивался совсем чуть-чуть — мог лишь что-то нащупать пальцами. Цепь ограничивала меня в движениях. Круг и Бага яростно лупили скамью ногами, а четвертый, привязанный к нам узник, бросился в драку. Я тянулся, они били и усилием двоих оттягивали меня назад. Узник — высокий тощий мужчина откуда-то с юга — забивал стражника кувшином для воды; все цепи были запутаны между собой.

Тут я услышал звук падающей в воду скамьи, а после — голос Круга:

— Валим на хуй!

Цепь сильно потянула меня в их сторону. Я успел один раз черпнуть рубахой из бочки, как цепь дернула меня за собой, и я упал. Короче, вышло так: крайний, Бага, видать, выпрыгнул и повис за ноги за бортом; за ним стоял Круг, которого от перевеса уперло задницей в борт; перед ним лежал я, а передо мной второй стражник уже зарезал этого южанина и направился ко мне. Блядь, сказать, что я обоссался, — не сказать ничего. Я видел меч над собой и полные решимости глаза человека, державшего его. Стражник нанес удар, а я, словно случайно — сам не знаю как, — в последний момент набросил цепь кандалов и увернулся: меч запутался в них. Стражник, яростно глядя на нас, раз за разом пытался вытащить застрявший меч, но цепь была слишком натянута. Тогда Круг схватил меня и кинул за борт, а сам прыгнул следом. Мертвый южанин покатился за нами, сбив стражника с ног; слава богам, он выпал и не застрял на борту.

Когда я вынырнул, почему-то думал только о крепко сжатой в руке рубахе с едой. Потом увидел Багу, сидевшего на скамье и подтягивавшего нас за цепи. Пара гребков — и мы у скамьи, правда, она сильно тонула. Мы со всей дури начали грести подальше от места битвы. Стоит упомянуть, что наш корабль путешествовал в группе из трех судов. Спустя несколько минут мы услышали звуки дуды; надеюсь, им все-таки удалось захватить корабль и уйти. Мы же молча гребли руками и ногами, мысленно благодаря богов и густые облака, скрывавшие нас от света луны. Не знаю, сколько времени прошло, вокруг волны и темнота. Я насчитал триста тридцать восемь гребков руками, когда что-то сильно дернуло скамью. Потом послышался захлебывающийся мат Крога, следом потянуло Багу. Мертвой хваткой я вцепился в скамью, но она перевернулась. Вынырнул и залез на нее снова; Бага был в воде и кричал:

— Ключ давай! Ключ, блядь!

Точно, ключ, южанин! Он был у меня в руках: я завязал, схватил, черпнул. Он все время был у меня в руках, а я, блядь, торопился и связал его вместе с мешком. Начал быстро искать в узлах мешка ключ, надеясь, что он не выпал. Руки тряслись. Увидел блеск, нащупал, от радости хотел быстрее его вытащить, но услышал бульканье воды — следом занырнул Бага.

Вынырнул он быстро: наверное, увидел падающую отмычку и успел нащупать ее в воде. Он вынырнул с криком:

— Есть! — показывая ключ.

Потом велел мне обвязать цепь вокруг скамьи, что я и сделал. Бага глубоко вздохнул и нырнул. Я держался за деревьяху, внимательно глядя в темную, как ночное небо, воду, на поверхности которой время от времени появлялись пузырьки и следы сбитого течения. Бага вынырнул раз, пару раз вдохнул и ушел обратно в бездну; вынырнул второй, а на третий раз мне показалось, что он теряет рассудок. В четвертый раз он не вынырнул. Мгновения передо мной, казалось, тянулись вечность; я лишь повторял про себя: «Ну давай, давай!», но никто не появлялся. Я понял, что и второй не вынырнет, а если пойду я, то не вынырнет уже никто. Только тогда я вспомнил разные способы завязывания каната: есть такой, чтобы фиксировать и приспускать, когда нужно, но здесь необходим второй человек, а его нет. Если нырну я и дойду до кандалов, всплывет Бага. Начну с этого.

Я обвязал цепь по-другому и нырнул, молясь, чтобы она не застряла. Сука, застряла... Но в темной воде я что-то нащупал недалеко от себя — это оказался Бага. Я смог поднять его на поверхность. Перевесив его через скамью вниз головой, я дождался, пока он блевает; он почти сразу пришел в себя, ну, по крайней мере, начал говорить отдельными словами. Сказал ему держаться и спускать цепь, если застрянет, — два раза повторил!

Нырнул я раз, шел по цепи, насколько хватало. Дошел до секции, где был закреплен Круг, — она была открыта. Начал ощупывать все вокруг — ничего. Воздух заканчивался, я вынырнул. На поверхности увидел Багу: он лежал на скамье и держал двумя руками цепи. Со страдальческим взглядом он повторял: «Давай, давай». Теперь я на его месте. Вдохнул так, чтобы воздух оставался за щеками, и нырнул. Ощупывал все, резал руки о кораллы. Вокруг сплошная тьма: открывай глаза или нет — без разницы, только если открывать, еще и глаза щиплет. Выныривал я и нырял обратно несколько раз, пока под водой не нащупал что-то тканевое. Вцепился в это и попробовал вытащить — безрезультатно. Тогда я начал нащупывать, что на том конце, — человек! Схватил его и постарался поднять, но он был слишком тяжелым. Меня тянуло на дно, а может, и силы кончились.

Не могу знать, что происходит с человеком в такие моменты. Бывает так, что просто делаешь то, что должен, а мыслей нет; они, конечно, присутствуют, но это и не мысли как бы.

Я поднырнул и схватил его так, словно держал над головой, после чего продолжил опускаться глубже. Уши закладывало, в нос уже заползала морская вода, когда я почувствовал ногами твердую каменную породу. Смягчив приземление, я выждал полный присед, ведь это

мог быть последний толчок в моей жизни. Оттолкнулся и пошел с ним наверх. Остальное помню смутно: помню крики, помню ощущение, что я еще жив.

Когда я очнулся, вокруг уже не было ни шума, ни кораблей. Бага греб какой-то веткой, Круг лежал у него на спине, привязанный снятыми рубашками; я был связан тоже. Сложно описать то состояние, когда не можешь говорить: слова словно затухают в воздухе, ты чувствуешь, что выдыхаешь, но на выходе — только хрипы. Я просто не мог ничего сказать, губы не дрожали, я словно разучился говорить. Тогда я пихнул Багу в плечо; он с неизменной улыбкой обернулся, продолжая грести.

— Выспался? — спросил он.

В ответ последовали мои непонятные завывания. Тогда, отвернувшись, он продолжил:

— Такое бывает, не мучай себя разговорами, сосредоточься на том, о чем думаешь, и запомни это. Такое редко бывает... время по-настоящему подумать, взвесить, отпустить, захотеть. Это именно тот момент!

Бага вновь обернулся и произнес:

— Бля, повезло все-таки тому стражнику.

Я хотел ответить, но, как бы ни хотел, не получалось: губы и горло меня не слушались. Тогда он снова отвернулся, словно удовлетворенный моим молчанием, и продолжил в своей манере, как проповедник, но эта проповедь в кои-то веки заинтересовала меня:

— Знаешь притчу о двух волках? Они сидят на наших плечах и вечно дерутся. Один — добрый, белый, пушистый и теплый; другой — злой, гневный, сердитый и скупой. И побеждает тот, кого мы кормим больше. Притча во многом мудрая, если вдуматься, так и есть. Но мне кое-что непонятно... до какого момента?

Тогда и меня заинтересовал этот вопрос. Бага, не дожидаясь моего ответа, продолжил:

— Мне с самого детства было интересно: до какого момента? Пока мы не умрем? Ну тогда я хочу уйти на тот свет так, чтоб были сыты оба... тогда и овцы будут целы... а уж чем накормить этих ненасытных, я найду.

Он выдержал паузу и, в очередной раз взмахивая веслом, повторил:

— Я найду.

Я хорошенько осмотрелся: кандалы были сняты, скамья под нашим весом проседала на треть — значит, от весла толку нет, но Бага сказал, что идет на «Льва», как и договаривались. За время рабства мы изучили звезды — изучать больше было нечего, ну и, конечно, грести так, чтобы не выбиться из сил. «Лев» был одним из наших обозначений скопления звезд. Озираясь, я увидел, что Круг перевязан, причем тряпка была явно окровавленной; в руке он сжимал мой кулек из рубахи, в который я набирал крупу. Рука его не разжималась, ее словно перемкнуло, хотя сам он был недвижим.

Сам не помню, как уснул. Сутки мы были в море, изнывая от жажды и голода; благо мы были настолько уставшими, что проспали весь жаркий полдень. Обыскали мою свернутую рубаху — там было пусто: может, море забрало, а может, это я ничего не смог прихватить. Круг пришел в себя, но был бледен. Он рассказал, что ранили его еще на корабле, но он не почувствовал; мы с Багой вопросами не задавались.

Когда луна была на пике, нас прибило к берегу, и мы начали искать воду. Нашли среди камней ручеек с пресной водой и с жадностью напились. Вода доселе никогда не была такой вкусной; мы не думали о том, что можем отравиться, а зря... После кратковременного поноса мы завалились спать у скал недалеко от берега.

В то волшебное утро я проснулся первым. Мы спали у больших валунов, тень от веток дерева закрывала мне глаза. Проснувшись, я почувствовал мягкое тепло: оно поднималось от плеч, пока не дошло до глаз. Тогда я открыл их, и яркий свет ослепил меня... Протерев глаза, я узрел безграничный, свободный мир и дорогу от восходящего солнца, тянущуюся прямо к нам.

Бага и Круг проснулись вслед за мной. Какое-то время мы сидели молча, словно боялись спугнуть это ощущение. Наши посиделки прервал урчащий желудок Круга; мы посмотрели на него. У него был плохой цвет лица, дышал он тяжело, хрипел. Осмотрев его рану, мы увидели, что она синее, а краснота вокруг растет. Бага сказал, что это может быть заражение и ему нужны целебные травы.

К слову, о Баге: он, в отличие от нас, был сиротой еще до попадания в рабство. В приюте им часто читали проповеди, подражали на работы (в частности, на сбор трав и помощь настоящим целителям. По его рассказам, они в основном мыли окровавленные тряпки, разносили воду и еду, делали простейшие перевязки, но было время и послушаться холодных, расчетливых разговоров целителей, и смерть повидать.

Бага убедил нас, что это не страшно, однако заживать будет долго. Тогда Кругу пришлось рассказать, что ранило его, когда я накинул цепи на меч, а он случайно потянул его на себя. Порезало левую часть тела, не задев почку, но день в морской воде на пользу не пошел. Бага сказал, что Кругу надо срочно поесть и напиться (пить как можно больше, (а сам ушел в лес, от берега на север.

Я не представлял себе такой местности: странные деревья были похожи на те, о которых рассказывал торговец, у которого я в тот день украл апельсины. Надо было найти источник воды. Круг хотел пойти со мной, но я сказал ему остаться: во-первых, он болен, а во-вторых, мы можем все потеряться. Он согласился. Я прикинул положение солнца, определился с направлением и пошел; сухость во рту заставляла меня торопиться. По дороге я подобрал увесистую дубину — ну так, на всякий случай.

Я блуждал несколько часов, пока не понял, что заблудился. Точнее, я знал, где берег, но мог сильно ошибиться и прийти не туда. Я присел, чтобы подумать. Прислушивался, оглядывал местность. Недалеко за кустами я обнаружил следы зверей, скорее всего, косуль — не больше пяти. Отец говорил, что животные всегда знают, где пить, и иногда показывают, где есть вода; если собирать ягоды, нужно в них разбираться, ну а любое мясо можно есть, если оно хорошо прожарено.

Идя по следам несколько минут, я услышал шум воды и пошел на звук. Увидел речку метров тридцать в ширину, огляделся и подошел к берегу. На той стороне, вдалеке, можно было разглядеть группу животных на водопое — значит, наверное, пить можно. Вода была пресной, без неприятного вкуса, достаточно чистой на вид. Я вдоволь напился, и тут встал вопрос: в чем нести воду Кругу? Начал думать... Лучшая идея, которая пришла в голову, — плотненько обмазать рубаху глиной так, чтобы она не пропускала воду, и нести. Он там умирает от жажды, с остальным потом разберемся. Так я и сделал. Несколько раз проверил свою «разработку» — все работало. Набрав воды, я начал удаляться, как вдруг услышал шум с того берега. Там какой-то хищник поймал дичь; звуки были не из приятных, и я поспешил уйти.

Я шел уже несколько часов, но берегом даже не пахло, к тому же я проголодался. На пути вдоль речки я увидел абрикосы — сам бог велел им перекусить. Я связал из веток небольшой кулек и набрал туда штук пятнадцать, после чего отправился дальше. Вскоре я понял, что за мной кто-то наблюдает с того берега и двигается наравне со мной.

Начало темнеть, когда я услышал рев с того берега; потом где-то прямо за мной послышался отчетливый шорох в густых кустах. Было жутко. Я насторожился и ускорился, крепче сжимая дубину. Стемнело окончательно, но луна была большая. Я шел, но берега слышно не было; остановился и решил на всякий случай заострить дубину с одной стороны — так мне будет идти спокойнее. Нашел пару подходящих камней и приступил к работе. Позади меня, ближе к речке, что-то словно выпрыгнуло из воды и поползло ко мне. Я отпрыгнул, попятился, быстро вскочил, не выпуская дубину из рук, схватил пожитки и рванул куда глаза глядят. Конечно, можно было и обоссаться, но, пока я бежал, вдруг почувствовал резкий соленый ветер в лицо — значит, я близко.

Я снизил темп и вдруг понял, что груз мой полегчал. Осмотрев все, я осознал, что воды там осталось дай бог на пару ладошек, а половина абрикосов — всмятку. Меня мучила жажда, и я было хотел допить воду, но вместо этого съел еще пару раздавленных абрикосов. Я должен был добраться до Круга и донести хоть что-нибудь.

Спустя недолгое время я вышел на берег; речка впадала в море узким проходом с сильным течением. По звездам было непонятно, куда идти — разброс большой, но если двигаться в правильную сторону в течение пяти часов, то мимо не пройду. Речку я не переплывал и не обходил, хотя, хрен его знает, в лесу я так заплутал, что мог и обойти. С другой стороны, на том берегу какие-то твари из воды выпрыгивают — нахер надо.

Я сидел в размышлениях, потом подошел к воде и увидел струю дыма на том берегу. За мной чаша, и что в ней водится — даже знать не хочу. Пригляделся и увидел песчаную косу: через нее перехлестывала вода, до того берега шагов двадцать. Для начала я нашел в округе самую высокую точку обзора: дым был только на том берегу. Бля, ну была не была, и я пошел вброд.

На самом деле было не так страшно: глубина там была по щиколотку, и я, втыкая заостренную дубину, уверенно шел. Тут я увидел, как что-то ко мне плывет — что-то большое! Глянул на тот берег: оставалось шагов пять, когда из-под воды вынырнул ствол дерева и сбил меня. Я успел схватиться за него, но дубина моя уплыла. Меня несколько побултыхало по волнам, чуть не засосало в воронку. Когда я смог что-то разглядеть, понял, что меня уносит в море. Кульки все еще были у меня в руках, казалось, ими удобнее грести, да и бросать не хотелось. Я видел, что буквально в паре метров от меня течение кончается. Если я выйду из него, то до берега доплыву без проблем, а пока меня несло вдоль берега, с каждой секундой отдаляя от него.

Я решил оттолкнуться от бревна в сторону берега, чтобы выскочить из течения. Раздумывать было некогда: с каждым мгновением шансы сокращались. Приготовился к прыжку и сосредоточился. В этот момент передо мной пронесло мою дубину; я схватился за нее, слегка нырнув и держась за дерево ногами, потом подтянулся обратно. Недолго думая, нащупал острым концом дубины дно и со всей дури воткнул ее. Вошла хорошо; когда дерево начало разворачивать, я в нужный момент вытянул дубину. Это я проделывал несколько раз, пока от разворотов меня не выкинуло из течения. Тогда я отдышался и на бревне причалил. Дым был совсем недалеко от меня.

Посмотрел: все абрикосы — в кашу, из импровизированного кулька для воды лилась морская. «Хоть дубина в порядке», — подумал я. Как стыдно... Я даже воды не смог принести, я не справился. Что я скажу? Ладно, сначала надо добраться, а там разберемся. Может, это вообще не они? Тогда будет еще веселее.

Я шел по берегу в направлении дыма, прислушиваясь и оглядываясь. Вдруг я увидел картину: куча крабов, больших, как два сложенных кулака. Они бежали словно из леса в море. Следов на песке было много; казалось, это только те, что не успели добежать днем. Я набрал полный кулек, ранее предназначенный для воды. Уместилось девять штук — хороших, нажористых. Затем я двинулся дальше и вскоре обнаружил костер недалеко от берега, у скал, но не там, где мы спали, а дальше в лесу.

Я вышел на свет. Там сидели Бага и Круг; они радостно поприветствовали меня и напоили. Оказывается, мы оба потерялись и смогли найти благодаря дыму. Круг вырыл колодец, насколько смог, нашел пресную воду и пару «искренних» камней, а затем разжег костер, чтобы у нас был ориентир. Бага нашел все травы, что искал, и даже пару съедобных грибов; несколько они съели, но честно оставили мне порцию. Круг уже выглядел получше: его лицо розовело у костра. Я извинился, что не смог достать воды, но вместо этого показал им сочных крабов, похвастался дубиной и рассказал, что со мной случилось. Они в ответ поведали похожие истории. Бага рассказал, что видел крокодила на том берегу реки.

Бага наточил палку и проткнул одного из крабов посередине, потом снял его и положил на раскаленный камень подле костра, громко и гордо заявив:

— Идущий ищет, а ищущий обрящет.

То была первая счастливая ночь нашей новой жизни.

* * *

Мы начали потихоньку обживать и изучать округу. Нашли еще несколько источников воды поблизости, соорудили заводь на берегу — пара рыбех туда заплывала каждый день. Обнаружили места, где водятся крабы, и несколько фруктовых деревьев неподалеку. Бага нашел поляну с отличными травами разного свойства; мы часто заваривали их в самодельных каменных чашах. Построили большой и крепкий шалаш, обнесли его острым частоколом в человеческий рост, сделали внутри примитивную маленькую печку из камней и глины. На выходе Бага соорудил конструкцию из веток, которая рассеивала дым, чтобы его не было видно издалека.

Однажды наткнулись на тушу газели: мясо есть не стали, но шкуру сняли. Круг несколько дней ее чистил и сделал нам два бурдюка; методом проб и ошибок удалось сплести каждому по крепкой корзине. Мы изучили достаточно обширную территорию вокруг: в часе ходьбы от полянки, о которой говорил Бага, была деревня домов на пятьдесят. Несколько раз сходили на разведку, но, кажется, замечены не были.

Нас выдавали две вещи: одежда, которая не тянула даже на обноски, и клеймо. Всем попавшим в рабство к земляным людям ставили под лопатку метку раскаленным железом — полумесяц и звезду на другой стороне полукруга. С этим нам никуда нельзя было идти: мы не знали ни наречия, ни нравов проживающих на этой территории людей, поэтому избегали любых контактов, опасаясь, что нас раскроют и сдадут. Обратное мы ни при каких обстоятельствах не собирались — лучше будем биться насмерть.

В один из дней Бага, как всегда, вернулся с полянки, на которой собирал травы, и рассказал нам, что не он один приметил это место. Там иногда по утрам бывали и другие люди — не больше десяти человек, но двое из них всегда работали дольше всех и оставались даже после ухода остальных: две девы...

— Девы?.. — переспросили мы с Кругом.

Бага утвердительно кивнул. Мы так давно не видели женщин, что даже забыли, как к ним подходить, но очень хотелось.

Несколько дней мы приходили и караулили их издалека. И правда, Бага не фантазировал: две девы оставались после всех, собирали еще по полной корзине и уходили в сторону деревни. Всю дорогу до лагеря велись споры, кому кто достанется, но по прибытии все пришли к соглашению, что главное сейчас — это связь с миром. Нам нужны новости, слухи этих мест, вещи для нормального быта, хотя бы пара трусов, блин! Мы сможем многое обменять, знать бы через кого. Так мы решили, что к ним пойдет Бага: вид он имеет весьма безобидный, умеет «пригрузить», когда надо, да и втроем мы их точно спугнем. Договорились, что Бага будет искать возможность с ними познакомиться.

И он-таки эту возможность нашел. В один из дней дева потеряла свою корзинку в траве, когда они с подругой ушли перекусить. Бага каждый день набирал по дороге на поляну целую корзину фруктов, чтобы не явиться с пустыми руками, и это, как ни странно, помогло. Бага шел с двумя корзинами к девам; когда они увидели его, то начали кричать. Он высоко поднял над головой обе корзины, поклонился, поставил их на землю и убежал в лес. Не обошлось без шуток, когда он нам это рассказывал:

— Явился дух леса, накормил и скрылся в чаще.

Мы смеялись над этим, не скрывая за шутками свое одобрение.

План его сработал: через несколько дней на той же поляне они познакомились. Это были сестры: старшую звали Вемин, младшую — Хьялли, но все называли ее Бельчонок. Бага подружился с ними в течение месяца, неторопливо знакомясь и рассказывая то, что считал нужным. Мы ему доверяли, ведь всю жизнь в лесу не просидишь — надо выбираться. Он наладил обмен раз в неделю: мы поставляли все, что могли достать — вяленых крабов и рыбу, редкие коренья, цветы и травы. В обмен мы получили пару дряхлых балахонов, котелок и старую посуду. И это за два месяца! Дело, как по мне, продвигалось медленно. Со временем и мы с Крогом познакомились с ними, но по очереди: девы чувствовали себя неловко в окружении парней в тихом и глухом лесу. Где находится наш лагерь, мы не говорили.

Вемин и Бельчонок были дочерьми торговца, о котором ничего не знали: известия ни о нем, ни об их матери не приходили с самого их рождения. Как выяснилось позже, жили они в разваливающемся доме из четырех комнат вместе с тяжелобольной бабушкой. Сами они заботиться о ней не могли — не знали как. Тогда они договорились с Домом поддержки в ближайшем городе. Дом поддержки — часть государственной структуры, работающая с инвалидами, беспризорниками и стариками. Они обеспечивали их бабушке существование без тяжелых мук в обмен на добровольное пожертвование. Деньги им были нужны не меньше нашего, поэтому мы быстро нашли общий язык.

Вемин, старше меня на два года, занималась всем, до чего могла дотянуться. Сбор трав — пожалуйста, помочь в харчевне — обращайтесь, выгрести дерьмо из хлева — всегда рады! Крепкая дева... В душу мне запала умом, уверенностью и любовью к семье. Бельчонок была глухонемой, но единственной среди нас, кто умел читать. Она была вечным и чистым островом чувств и неподдельных эмоций, незамутненных лишней болтовней. Никто доселе не заглядывал в мои глаза с такой жадью открытого и искреннего понимания, никто так многозначительно не улыбался, и никто так не плакал. Они были прекрасны, и, что греха таить, мысли у нас с парнями были насчет них разные — мы были молоды и горячи. Но мы, все трое, уважали любовь, ценили друг друга; так же, как и они, мы были равны с ними и гордились ими, а они в ответ гордились нами — такой расклад. Нет у нас сейчас никого, кроме нас самих.

Однажды они предложили купить у нас за монету столько крабов, сколько сможем принести. Объяснили, что есть один рыбак, который не прочь подзаработать: якобы он поставляет морепродукты в Боттиньер — городок неподалеку. Скупает все: креветок, крабов, устриц — за четверть цены, жемчуг — за треть. В ценах мы «гуляли», потому пришлось довериться.

Следуя договоренностям, мы заполнили всю имеющуюся у нас тару крабами, благо; вычислить все вкусные места у нас время было. В указанном месте появилась рыбацкая лодка. Мы подали факелом короткий сигнал и затушили его — лодка направилась к нам. Из нее выпрыгнули и поспешно подошли к нам двое крепких мужиков, третий остался в лодке. Они спросили:

— Как нам доплыть до севера?

— Солнце на востоке всходит, дождитесь рассвета.

После этого начался недолгий разговор по делу:

— Не взвешиваем, у нас бочка. Высыпайте что есть, считаем, сходимся в цене, расходимся.

Условия для первого раза были понятные, да и мы особо ничем не рисковали — крабов еще наловим. Все на удивление случилось, как и было задумано: быстро сошлись в цене, монету выдали на месте. Перед отплытием один из них подбежал к нам, сунул в руки кувшин и сказал:

— Вам просили передать. Поработаем еще, пацаны.

После чего он вернулся на борт, и лодка отчалила. Мы проводили их взглядом, переглянулись. Я поднес кувшин к носу...

— Уууууф... Портвейн, походу, — выдохнул я, и еще два любопытных носа поспешили в этом убедиться.

Одобрительное взаимное кивание и смех сопровождали нас до лагеря; половина кувшина была выпита до того, как мы успели присесть.

«Это были времена моей юности... Пьяные танцы и истории у костра, желания и сомнения, отвага и ошибки, смех и счастье... Да, оно было именно таким... Оно было».

* * *

Дело пошло в гору. Через несколько месяцев мы обзавелись всем необходимым: благотрое парней могут привезти на лодке гораздо больше полезного, чем две девы — спрятать в корзинках среди цветов. Приобрели ящики правильных размеров, даже на тележку хватило, точнее — на пару деталей, остальное скрутил я. Сети, посуда, одежда, изредка вино. Но мы всегда заносили две пятых прибыли девам. Никто нас не обязывал, кроме нас самих.

Как-то вечером у костра мы решили, что такова судьба — и дев, и наша. Раз они с любовью и пониманием отнеслись к нам, даже не пытались сдать местным властям, значит, и мы должны отнестись с любовью к ним. Несмотря на наше положение, мы живем относительно неплохо, а им есть о ком позаботиться. Так будет справедливо: надо делиться с ближним, иначе мы потеряем то, что называем собой. Речь эта поступила, конечно, от Баги, но все согласились в тот вечер, что это будет справедливо.

Через несколько месяцев нам пришлось перебраться и разбить новый лагерь ближе к городку Боттиньер — чисто исходя из логистических расчетов, плюс мы хотели наконец проникнуть в город и увидеть настоящую жизнь. Мы были хорошо одеты, нормально отъелись, но клеймо все еще было под лопаткой, и одни пытливые глаза могли перечеркнуть все вмиг. Мы переехали и поселились так же на берегу, где-то между деревней, где жили девы, и городом. Там наша торговля развернулась еще шире, ведь не было условия не ловить торговцев на дороге и не предлагать им выгодную сделку, особенно если товар честно добыт, а не является сбытом краденного.

Мы даже стали часто приглашать сестер в наш лагерь, в основном чтобы отметить очередную сделку. Какое же было счастье, когда мы смогли позволить себе хорошие новые охотничьи сапоги, даже с мехом! С братьями договорились, что каждый берет себе что хочет на свою долю и когда хочет, но одну вещь мы купим одновременно — хорошие сапоги. На наших встречах я обычно проводил больше времени с Вемин, а Бага общался с Бельчком. К слову, Бельчонок была на четыре года младше сестры: мне было пятнадцать, Вемин — семнадцать, Бельчонку — тринадцать. Бельчонок ни с кем так не улыбалась, как с Багой: он пытался разговаривать с ней жестами, потом начинал исполнять целые спектакли, чтобы до нее что-нибудь донести, а она так же танцевала ему в ответ. Мы часто сидели у костра, молча наблюдая за их общением, и что-то понимали, хотя не было произнесено ни слова. Крог всегда хорошо шутил и веселил нас; он словно старался не мешать двум союзам и радовался за них со стороны — от души радовался, этого было не скрыть за его «кирпичной» мордой. В такие вечера мы забывали обо всем мире вокруг, мы просто жили как одна небольшая семья. То было благое время.

Жизнь бывает разной. Как по мне, нет тех, у кого всегда все хорошо, и нет тех, у кого всегда все плохо, хотя последние, скорее всего, существуют. Неважно, сколько у тебя денег, знаний и власти, — это не спасет от болезни. Даже самые богатые и властные императоры умирают от разных хворей. Разбазаривают половину империи на лучших врачей и лекарства, однако итог один. Кто сказал, что этот император когда-то слышал про любовь? Росший среди заговоров, наветов и лжи — кто сказал, что вся его семья видела в нем человека, а не права наследования, права знати, права править? «Каждому свой крест нести», — так Бага часто говорит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.